

Пролог

Порочно и безнравственно держать пари на будущее друга, тем паче если его исход может разрушить человеку жизнь. Сегодня, кажется, все повесы Лондона собрались в «Уайтсе» — клубе, печально известном своими рисковыми авантюрными пари, свободой нравов и обилием спиртного. Рай для холостяков — и гиблое место для женатого человека. И сейчас одетый в отлично сшитый фрак и черные шерстяные брюки джентльмен подошел к книге пари. Его глаза насмешливо блестели.

— Кто сделал эту ставку? — Он указал на написанную небрежным почерком строку, третью на левой странице. — Мне известно упомянутое здесь имя, и я нахожу, что утверждение отдает дурным вкусом.

Несколько молодых денди, шатавшихся поблизости, мельком взглянули на говорившего и, не прерывая болтовни, прошли дальше.

— Я. И могу подписаться под каждым словом. — Второй джентльмен, тоже одетый в черное, только, пожалуй, с галстуком дешевле, чем у первого, постучал по странице обтянутым перчаткой пальцем. Ночные пари на головокружительные суммы были бескомпро-

миссны: только победа или поражение, иногда встречные ставки составляли не более чем полпенни. — Думаю, на этом можно заработать состояние. Ну как? Ты достаточно смел, чтобы сделать ставку?

— Все еще пытаешься залатать пустые карманы и вернуть положение? Интересная попытка. Условия неплохие. Десять тысяч фунтов — серьезная сумма. Но если я играю ради развлечения, ты ставишь на кон репутацию. Как ты намерен рассчитаться со мной, если я выиграю?

— Не сомневаюсь, что победителем буду я. — Второй джентльмен поправил узел галстука, и только дернувшееся адамово яблоко указывало на то, что он нервничает. — Я уже потратил выигрыш. Гипотетически, конечно.

— Это довольно рискованное занятие, должен признаться.

— Пари?

— Нет. — Первый джентльмен прислонил к стене свою прогулочную трость с набалдашником из слоновой кости и взял перо. — Безрассудно тратить деньги, пусть даже гипотетически.

Несколько находившихся рядом джентльменов с явным интересом следили за тем, как пари было заключено и записано в книге.

— Ты никогда не выиграешь, — проговорил второй джентльмен, на что первой ответил самоуверенным смешком. — А проиграв, ты вернешься сюда после окончания последнего мероприятия сезона и принесешь чек на десять тысяч фунтов. Если, разумеется, ты не убедишься в том, что безнадежно проиграл, еще раньше.

Зрители оживленно зашумели.

— Сомневаюсь. Тебе следует привести в порядок все дела. У тебя же нет ни одного лишнего фартинга, это всем известно. — Первый джентльмен взял трость и окинул своего собеседника циничным взглядом, полным задора. — Я с радостью заберу у тебя все. Кстати, имей в виду: я не прощу тебе долг, даже не надеюсь. Все или ничего.

— Как скажешь. — Второй джентльмен изо всех сил пытался придать себе уверенный вид. — Лично я планирую получить все.

Глава 1

— Котенок? — Шарлотта Локхарт, леди Дириг, отпрянула, и ее спина коснулась спинки небольшого диванчика, на котором она сидела в своей гостиной для приемов. — О чем ты только думаешь, Амелия! — Она произвольно заговорила громче, чем это допускали приличия, а ее подруга, нисколько не смутившись, достала из корзинки у своих ног маленький комочек черного меха.

— А вот и мы. — Амелия Бекфорд, герцогиня Скарсдейл, с улыбкой смотрела на котенка, который уже начал проявлять признаки нетерпения. — Пандора принесла отличное потомство, и я намерена найти каждому малышу любящую хозяйку. И вряд ли стоит удивляться тому, что я выбрала самого милого из котят для своей лучшей подруги.

С большой неохотой Шарлотта приняла крошечного зверька и положила его себе на колени. Тот сразу принялся играть мягкой тканью юбки.

— Но лорд Дириг никогда не позволит...

— Не понимаю, почему. Каждой женщине нужна компания, особенно когда муж недоступен. — Глаза Амелии вспыхнули. — А в твоем случае это соображение нельзя недооценивать.

— Да, но котенок... — Шарлотта мысленно улыбнулась. — Лорд Диринг и я... мы обсуждали этот вопрос раньше, и я...

— Учти, отказа я не приму, — заявила Амелия. — Между прочим, я выбрала для тебя самого смиренного котенка из пяти. — Словно почувствовав, что его рассматривают, котенок вежливо мурлыкнул и преданно устался на будущую хозяйку маленькими светлоголубыми глазками. — Кроме того, если процесс обсуждения происходил так же, как ты описывала раньше, подозреваю, твой муж произнес только один слог: нет.

Котенку надоело пребывать в покое. Он попытался прыгнуть, но запутался в складках юбки Шарлотты и упал. Его коготки стали царапать тонкую муслиновую ткань.

— Он...

— Это она.

— Она куда-то ползет.

— Разумеется, ползет. Она — живая кошка, а не фарфоровая статуэтка. — Амелия провела носком туфельки по толстому обюссонскому ковру. — Давай лучше придумаем для нее имя.

— Пожалуйста, прошу тебя... — Шарлотта подхватила котенка обеими руками и протянула подруге, но ее руки замерли на полпути, потому что малыш лизнул ее палец. Прикосновение шершавого язычка оказалось удивительно приятным. — Дирингу и мне еще предстоит найти путь к супружескому согласию, но для этого надо потрудиться. Я не хочу давать ему повод для недовольства. Ты не понимаешь.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, поэтому и решила сделать тебе этот подарок.

— Но я не могу оставить котенка себе. — Шарлотта удрученно покачала головой.

— Я не для того проделала путь до Лондона, чтобы встретить твой отказ. Спрячь кошечку в своей спальне. Диринг и не узнает о ее существовании. — Последовала томительная пауза. — Вы все еще спите в разных комнатах? Боже мой! А я уже и представить себе не могу, что можно просыпаться утром не рядом с Ланденом. — На ее губах заиграла восторженная улыбка. — Впрочем, это не важно. Моя недавняя свадьба и свадебное путешествие временно помешали моим стараниям помочь тебе стать счастливой. Но теперь я вернулась и готова действовать.

Привычная к энергичной речи подруги, Шарлотта тихонько вздохнула, опустила глаза на котенка и подула на него. Ее теплое дыхание пошевелило шерстку кошечки, и та заурчала от удовольствия. Малышка была само очарование. Как было бы здорово иметь рядом существо, которое будет ее слушать, а не поучать и поправлять.

Шарлотта вышла замуж за совершенно незнакомого человека. Так уж сложились обстоятельства. Как-то раз, вернувшись домой от подруги, она узнала от отца, что ее свадьба через две недели. Лорд Диринг спас ее семью от финансового краха, оказывал многочисленные другие услуги и являлся во всех отношениях образцом респектабельного джентльмена. Он и после свадьбы не перестал быть таковым, но все же десять месяцев — слишком долгий срок, чтобы ждать первого

поцелуя, нежного объятия, не говоря уже о страстной ночи. Их двухнедельное знакомство было наполнено подготовкой, которой женихи и невесты обычно посвящают долгие месяцы, и потому им не хватило времени, чтобы узнать друг друга лучше.

— Всякий раз, когда я вижу тоску на твоем лице, мне становится больно. — Амелия протянула руку через овальный столик, за которым они сидели, и почесала котенка между ушками. — Даже если Диринг обнаружит твоего нового спутника — точнее, спутницу, — это, по крайней мере, положит начало разговору.

— Разговору? — Шарлотта фыркнула. — Эта шалунья вызовет спор... если не ссору.

— Тем лучше. — Амелия прикусила нижнюю губу, словно изо всех сил старалась сдерживать ухмылку.

— Что ты имеешь в виду? — Шарлотта хорошо знала подругу.

— Спор, даже хорошая ссора — именно то, что нужно вам двоим. Вежливый этикет, который вы оба так тщательно соблюдаете, ни к чему вас не приведет. Вам нужна конфронтация, стычка. Только горячие несдержанные слова, безрассудное проявление чувств, дерзость и авантюрная опрометчивость способны привести к страсти. Могу тебе сказать, что эмоции в нем есть, они живы, только спрятаны где-то глубоко внутри. Диринг — не мраморная статуя. В его жилах течет горячая кровь. Уж меня-то он не обманет. Я вижу, как он смотрит на тебя, когда считает, что его никто не видит.

Шарлотта скептически прищурилась.

— Тогда почему же он меня ни разу не поцеловал? Амелия недоверчиво ахнула.

— До сих пор только в щеку? Это такой же поцелуй, как этот котенок — грозный лев. Послушай, а может быть, мы чего-то не заметили? Не исключено, что у него какая-то травма, или заболевание, мешающее ему выполнять супружеский долг?

— Амелия! — воскликнула шокированная Шарлотта.

— Я только рассматриваю возможные варианты.

— Слышу.

— Но ведь это бы многое объяснило, разве не так? Я, пожалуй, поговорю с садовником в Бекфорд-Холле, чтобы он приготовил для Диринга какое-нибудь целительное средство, если он не может ...

— Амелия! — закричала Шарлотта. Котенок отреагировал на громкий звук, вонзив коготки ей в ногу. Хорошо, что они оказались все же недостаточно длинными, чтобы добраться сквозь множество юбок до ее тела.

— Ты не должна во мне сомневаться, — заявила Амелия, встала и приготовилась уходить.

— Быть может, он и правда не заметит, — тихо проворковала Шарлотта, прижимая котенка к груди. — Ведь мы встречаемся только за столом. Все остальное время он проводит, закрывшись в своем кабинете.

— Закрывает дверь? Найди ключ и открой ее. — Амелия направилась к двери, но на пороге задержалась. — И еще кое-что...

— Что? — Шарлотта осторожно отцепила острые коготки от своего платья и поспешила за подругой.

— Ты должна любить этого котенка так же сильно, как я люблю тебя. — Амелия улыбнулась и вышла в вестибюль.

— В этом ты можешь не сомневаться. — Шарлотта засмеялась и поцеловала котенка в нос. — Я уже его обожаю.

— Факсман!

— Да, милорд.

Гибкий и крепкий секретарь немедленно вскочил, и Джереми Локхарт, виконт Дириг, мысленно похвалил внимательность слуги.

Факсман служил ему уже пять лет. Он был весьма приятным человеком, знавшим, когда стоит говорить и когда лучше промолчать. Он обладал острым умом и никогда не жаловался, если напряженное расписание хозяина вынуждало его оставаться на ногах далеко за полночь. Виконт полностью доверял ему и поручал ему все финансовые операции, сложные фискальные контракты, инвестиционные маневры и прочие дела, связанные с движением крупных денежных сумм.

Все, кроме одной.

Дириг покосился на угол стола, где рядом с серебряным канцелярским ножом стояла черная кожаная коробочка. Именно она служила постоянным напоминанием об одном незаконченном деле. Некоторые тайны надежнее всего спрятаны у всех на виду. Вздохнув, виконт снова обратился к секретарю:

— Ты составил документы для покупки ценных бумаг Гаррисона?

— Только что, милорд. — Факсман мотнул головой в сторону своего стола, на котором лежал лист бума-

ги. — Мы продолжим вчерашнее обсуждение слияния Тесенджера и Оливера? Или вы предпочтете рассмотреть предложение Бенсона?

Послышались тихие звуки фортепиано, и Диринг взглянул на часы, висевшие над камином. Оказалось, что он проработал на час дольше, чем рассчитывал, и время ленча уже прошло. В любом случае Факсман заслужил право на еду и отдых. Иначе секретарь совсем измучится. А преданных людей следует беречь.

— Не важно. Посмотри на часы. Ты можешь идти. Спасибо. — Диринг ждал, что секретарь сразу возьмет свои вещи и уйдет, как делал это каждый день, но молодой человек остался на месте.

— Это Моцарт?

— Гайдн. Соната номер пятьдесят девять, ми-бемоль мажор. — Диринг побарабанил пальцами по столу. Он не мог дождаться, когда Факсман уйдет. Это музыкальное произведение было его самым любимым, и он хотел насладиться им молча.

— Мастерство леди Диринг привлекает внимание. Мой отец очень любил фортепиано и часто повторял, что в музыке человек выражает то, что не может передать словами. Простите, если я позволяю себе лишнее, но, слушая игру леди Диринг, я всегда с любовью вспоминаю отца.

Диринг несколько секунд молчал.

— Все в порядке, Факсман. Я же сказал, ты можешь идти. — Проницательность секретаря иногда выводила его из себя.

— Я вернусь завтра в половине девятого, милорд. — Факсман взял сумку и пальто, висевшее на крючке у двери. — Хорошего вам дня, милорд.

Диринг проводил секретаря взглядом, прислушиваясь к музыке, доносившейся из музыкального салона. Интересно, как она отреагирует, если он войдет в салон и станет ее слушателем? Знает ли она, как глубоко его восхищает ее удивительное мастерство?

Вздохнув, он в очередной раз отметил, что супруга остается для него тайной. Прошло уже десять месяцев, и все это время они потеряли. Они почти не разговаривали — разве что обменивались ничего не значащими любезностями за столом. Диринг понимал: он сам виноват в том, что их отношения зашли в тупик и становились все более напряженными с каждым днем. А ведь он так хотел преодолеть разделявшую их пропасть!

Он встал, всеми силами стараясь отгородиться от нежного зова ее музыки. Каждая нота, каждый аккорд манили, притягивали его. Споткнувшись о край стола, он ухватился рукой за его угол и коснулся кожаной коробочки. Он накрыл ее ладонью и зажмурился, стараясь не думать о том, что находится внутри.

Насколько проще было бы, собери он все свои эмоции, помести в некую шкатулку, закрой и потеряй ключи. Он воспылал обожанием к Шарlotte с того самого момента, когда впервые ее увидел. Однако ви-конт сомневался, что обладает качествами, способными привлечь внимание прекрасной талантливой девушки. Он всегда был очень тихим, сдержанным человеком, и, хотя был уверен в своих способностях к управлению финансами, из-за отсутствия опыта в сердечных делах ему слишком часто приходилось сожалеть об утраченных возможностях. Поэтому он тщательно просчитал все риски, оценил вероятность

успеха и выбрал альтернативный путь, чтобы получить желаемое. И все же, несмотря на то что он совершил самую оригинальную и изобретательную сделку в своей жизни, в результате которой получил идеальную жену, брак не принес ему удовлетворения.

Мелодичные звуки, казалось, проникали в мысли Диринга, одновременно успокаивая и возбуждая. Ему вдруг показалось, что они являются средством общения между ним и супругой на ином, новом уровне, на котором не было нерешительности, слабости, тайн. Музыка в точности соответствовала его чувствам, даже отражала их.

Но тут темп изменился, и виконт зашагал к двери. Музыка подгоняла его вперед. Он подошел к музыкальному салону и остановился. Фортепиано стояло у большого сводчатого окна, выходящего в сад за домом. Шарлотта сидела спиной к двери и даже не подозревала, какое удовольствие он получал благодаря такой сомнительной расстановке мебели. Ее пальчики ласкали клавиши. Она не знала, сколько ночей он провел без сна, представляя, как эти пальчики ласкают его кожу.

Шарлотта заиграла громче, и виконт подался вперед. Сердце забилось чаще. Она была великолепна, целиком отдавшись музыке, — спина прямая, лицо сосредоточенное, щеки горят, брови сошлись на переносице... Впрочем, в основном он видел ее спину и лишь мельком — в профиль.

Свеча, стоявшая на крышке фортепиано, отбрасывала золотистые блики на ее шелковистые каштановые волосы, аккуратно заплетенные в косу и уложенные короной. Стала бы она возражать, если бы он вытащил все шпильки, распустил косы и погрузил ладони

в мягкую копну? А что, если бы он подошел и приник поцелуем к ее изящной шейке?

Заключительный аккорд — и музыка стихла. Диринг отпрянул от двери и медленно пошел по вестибюлю к лестнице на второй этаж. Вопросы... одни только вопросы. А что, если бы он вошел в комнату, когда она играла? Что, если бы он осмелился наконец показать, как глубоко любит свою жену? Чувство вины не покидало его. Оно же вселяло неуверенность. Ответ был совершенно очевиден. Если Шарлотта узнает, что он сделал, чтобы получить ее руку, она исполнится презрением и разорвет с ним все связи навсегда.

Глава 2

Мать встретила Шарлотту радостными объятиями. Этот дом, расположенный в шести милях от дома Диринга, вполне мог находиться на другой стороне земного шара. Здесь все было иначе. Ее родители любили друг друга и никогда не стеснялись проявлять ласку и нежность на людях. Своих четырех дочерей они растили в любви. Шарлотта с раннего детства привыкла считать, что настоящие отношения между мужчиной и женщиной — это нечто большее, чем жизнь под одной крышей. Неудивительно, что для нее сдержанность Диринга стала большим разочарованием. По ее мнению, их отношения никак нельзя было назвать естественными. Решительно отбросив эту мысль, она нежно улыбнулась матери, наслаждаясь умиротворением в ее объятиях.